

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Традиционные майские Старорусские чтения по Достоевскому в этом году были особенны по насыщенности материала. Это вполне закономерно, так как прошлый год послужил для этого хорошей базой: к 175-летию со дня рождения великого русского писателя в России отнеслись не просто с должным вниманием, но чутко и трепетно.

Международные научные конференции в Москве и Санкт-Петербурге дали право сказать, что интерес к личности Достоевского растет с каждым годом. Нельзя не отметить тщательность исследования творческого наследия писателя, виртуозность в изложении концепций, очевидность открытий, искренность заблуждений, резонанс самостоятельно мыслящей аудитории.

Темы докладов дали возможность, как было уже отмечено в прессе, проследить два основных подхода к его творчеству: довольно опасные и неблагодарные попытки идти по пути "дехристианизации" Достоевского-писателя, превращения его в "эзотерического пророка"; и труд аналитического проникновения в конкретные произведения писателя, результатом которого и является, по моему мнению, благодатная для возникновения самых разнообразных ассоциаций и проведения параллелей почва.

В качестве примера хочется назвать несколько таких тем: «Крик осла» в романе Достоевского «Идиот» (доклад И.Поповой), «О некоторых родственных чертах антропологии Б.Паскаля и Ф.Достоевского. Соотношение «ума» и «сердца» во внутреннем мире человека» (доклад В.Тарасова).

Нынешние Старорусские чтения «Достоевский и современность», безусловно, органически связаны с предыдущей конференцией, а их центральная тема «Русская идея» у Достоевского» в какой-то мере ею же предопределена. Некоторые фрагменты из беседы с президентом Российского общества Достоевского Игорем Волгиным позволят частично осветить особенности Старорусских чтений.

— Перефразируя Иннокентия Анненского, который сказал по поводу Уайльда, что он боялся черта и через

Достоевский и «русская идея»

Чтения в Старой Руссе

Гюисманса и черную мессу пробирался в исповедальную будку, хочется спросить: не боится ли русский человек беса, который сидит в нем и через Достоевского тоже пробирается к исповедальной будке? Что собой

Ф.М.Достоевский.

Офорт В.А.Боброва. 1883.

представляли XII Международные Старорусские чтения?

— XII Международные чтения состоялись, как и все предыдущие, в городе, который послужил «топографическим прототипом» карамазовского Скопругоньевска — в Старой Руссе.

Это единственное место на земле, выбранное Достоевским не по необходимости, а по сердечной склонности и по собственной воле (в Москве он родился, в Петербург поехал учиться, в Сибирь был отправлен по судебному приговору и т.д.). Это глубинная, «нутряная», провинциальная, в общем — настоящая Россия, чей внешний облик удивительным образом гармонирует с духовным образом России Достоевского.

Здесь, в доме-музее, обретаются замечательные подвижники (в первую очередь бессменный директор В.И.Богданова), чьим попечением ежегодно возобновляются наши научные сходбища.

Теперь — о каналах бесовского проникновения: очевидно, именно это вы имеете в виду? Действительно (если уж мыслить в таких категориях), бес может принять любое обличье — в том числе сугубо академическое. И ни Пушкин, ни Достоевский от этого не застрахованы. Бес мировой пошлости особенно любит угнездиться на мировой классике. Ибо соблазн тут чрезвычайно велик, да и возможности подмены необъятны. Из карамазовского черта вышел бы неплохой литературовед. Да, собственно, уже есть и примеры.

— Тема вашей конференции была «Достоевский и «русская идея»». Распространяется ли то, о чем вы говорите, и на этот, казалось бы, сугубо отвлеченный сюжет?

— Еще как! Ведь «русская идея» не есть некий поведенческий императив. И тем более не универсальная инструкция по спасению души. Это не норма жизни (о чем остается лишь сожалеть), а представление нации о должном, ее, так сказать, внутренний духовный ориентир. Говоря о том, что не существует двух нравственных — для государства и для частного лица, — Достоевский пытается внести христианское сознание в реальную историческую жизнь. Задача неисполнимая, но она должна быть поставлена (если, конечно, человек почитает себя созданием Божиим).

Но точно так же, как большевики раз и навсегда решили вопрос о братстве («стань мне братом или смерть»: чем не трагипародия Пушкинской речи Достоевского?), так и ныне власть хотела бы употребить Достоевского для достижения своих целей.

Это и есть, говоря словами автора «Карамазовых», русская идея, попавшая на улицу и принявшая самый уличный вид.

Простейший способ убить идеал — это опошлить его. Объявлен социальный заказ на новую государственную идеологию — и ежели Достоевский будет каким-то боком «пристегнут» к сим официальным бюрократическим играм, «русская идея» потерпит окончательный крах.

— Но разве «русская идея» не мо-

жет проистекать из повышенного национального самомнения, из искаженного представления нации о своем месте в мире?

— На конференции кто-то привел слова Владимира Соловьева: русская идея — это не то, что думает нация сама о себе, а то, что думает о ней Бог — в вечности. Ведь Бог дает нации поручение, Он как бы предназначает ее для некоей высокой миссии. Но и Бог может «ошибаться» (этот тезис вызвал наибольшее возмущение наших православных неопитов), то есть Он может «ошибаться» в Своих ожиданиях: если нация (которая, как и отдельное лицо, обладает свободой воли) не в силах выполнить предназначение. Иными словами, она теряет божественный шанс. Бог в данном случае предполагает, а человек располагает. И если было дано, но не вышло, то это — мировая трагедия. В этом смысле Россия должна трезво взглянуть на самое себя — ради своего собственного будущего.

— Вы полагаете, что, несмотря на то, оно у России все-таки есть?

— Это зависит только от нас. Вот уже который год мы пребываем в состоянии длящейся исторической катастрофы, наблюдая распад как государственного, так и духовного тела России. Мне уже приходилось говорить, что нам угрожает участь стать грехами третьего тысячелетия, которые за умеренную мзду будут водить любознательных иностранцев по руинам наших взятых под охрану ЮНЕСКО метафизических парфенонов: Пушкину, Толстому, Достоевскому. Необходимо высочайшее напряжение национальной и исторической воли, чтобы избежать подобной судьбы. Автор «Братьев Карамазовых» подает нам некоторую надежду. Пока он читаем (а не только научно обсуждаем), не все потеряно.

Интервью взяла

ОЛЬГА

СИМОНЕНКО-БОЛЬШАГИНА

Старая Русса — Москва